

Александр БАЛТИН

Родился в Москве в 1967 году. Систематического образования не получил. Впервые опубликовался в журнале «Литературное обозрение» в 1996 году.

Поэт, прозаик, публицист. Автор книг и публикаций более чем в ста изданиях России и зарубежья, в том числе в журналах «Юность», «Вестник Европы», «Литературная учёба», «Литературное обозрение», «Нижний Новгород», «День и ночь», Florida (США), Il Convivio (Италия), «Время и место» (США), Il Richiamo (Италия), в «Литературной газете».

Член Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

ЯБЛОКИ МОМЕНТОВ БЫТИЯ

Онтологический аспект поэзии Олега Рябова

Слово, исследующее реальность при помощи поэтического инструментария, обретает иной вес, нежели слово обыденности; и зажигающиеся переливы смыслов позволяют соотнести свой, читательский опыт с поэтическими построениями, нечто добавив к собственному:

Чтобы глаза не выхлестали ветки,
Иду, почти смыкая напрочь веки,
Иду на ошупь или наугад,

Бреду, уже мечтая о ночлеге,
Своей судьбы погонщик или пленник,
Не чувствуя: дождь, град или пурга.

Интересно совмещая лирический и метафизический планы, О. Рябов демонстрирует хороший максимализм: просвеченный сущностью бытия:

Освоив междометья и артикли,
Мы к чужеродству так и не привыкли.
Я не привык и все мои друзья –
Размазывать оскомину по небу.
Оставшись гордецом, мальчишкой, снобом,
Не поверну, не возвращусь назад.

И чёткая декларация необходимости собственного, единственного пути впечатляет:

Ну что такое: быть одним из многих
И не иметь своей судьбы, дороги?
Не сомневаюсь – я пошел не зря.

Поэт исследует феномен поэтической речи, обращаясь к собственному опыту, фильтруя его, чтобы получить золотой песок правды и озёрную воду образа:

Ты сам не сможешь оценить
Тобою свитое пространство,
Ты лишь нанизывал на нить
Бег времени и постоянство,
Пока ты с небом говорил,
Не ты, увы, – оно решало
Дать иль не дать тебе тех сил,
Которых вечно мало, мало.

Возможность разговора с небом, или – выключение из круговращения сует и пёстро́го мелькания соблазнов – есть высокое право поэта: право, умножаемое на долг, порою берущий за горло.

Пронзительно О. Рябов исследует феномен власти: и – взаимоотношения слова поэтического, могущего – в потенции – стать пророческим – и косной силы тех, кто назначен был носителем властных регалий:

Когда строка берет за горло
И плакать легче, чем кричать,
Не поступи с собою подло,
Власть продолжая величать.

Они назначены – и только!
Они рабы своей судьбы.
Ты тоже б смог, да что в том толку,
Когда тебе пророком быть.

Над поэтом раскрываются экзистенциальные бездны, чтобы, бушуя различными оттенками смыслов, вливаться в недра его души, готовой ко всякой боли, лишь бы обогащала стих...

Стих Рябова густ, как свежий мёд и пронзителен одновременно; он продут хорошим онтологическим ветром, не допускающим чепухи.

Поэт легко оперирует пластами времени, и, совмещая фантастически далёкое былое с отблеском современности, уверенно глаголет:

А Дедал – он мой друг, он – мастер.
Он придумал летучие крылья,
Он натер их воском, покрасил,
Наделил их мускульной силой.
И летал он с Икаром, с сыном...
Вот сидим мы – седой он, старый,
Вспоминает, как в небе синем
Потерял он сына Икара.

В это верится легко – поскольку мускульной силой обладает и поэзия Рябова, и ей присущи – натёртые воском мысли и покрашенные в тона радуги – крылья: что поднимают выше и выше, дабы соответствовать бесконечной световой вертикали.

...стихотворение развернётся дальше, касаясь античных имён так, будто ближе их в современности нет никого.

Что ж, она вообще условна, современность: скажи «сейчас», и ты уже в грядущем; и поэзия из наивернейших и величественных способов удержать то, что удержать физическим процессом жизни невозможно.

...вот строка разгоняется до максимального предела: чтобы плотнее вместить оттенки ощущений, связанных с театральным делом, с альфой актёрства:

Аплодисменты, шурша о стены, ползут по залу,
Поклон последний, артист усталый – в столбе софита.
Но вдруг покажется на миг, что сделал мало,
А «бис» провисший, он – не ему, а так, для свиты!

Здесь и сомнения, и плеск оттенков оного, и многое завязывается в узел, тугой, психологический.

Рябов фиксирует различные моменты бытия, и стих его виртуозно совмещает воздушность полёта, парения, и земную конкретику...

Яблоки моментов бытия, которые можно взять в руку при необходимости.

Раскрывается чудо леса, увиденного под метафизическим углом, и метафоры, вспыхивающие разноцветными фонариками, дарят пространству своеобразную красоту:

Еловой шишки нераскрывшийся бутон,
Как чешуею рыбьей оплетен.

Вот – муравья-друида Эверест,
Его предназначение и крест.

Неспешна комариная возня:
Они как дома у себя в сенях.

Поэзия Рябова онтологична: связана с тою мерой постижения бытия, когда тайны остаются тайнами, но, увиденные оком поэта, расцветают лепестками своеобразных открытий...

...времена года у каждого свои: поэт трактует их через своеобразие образной системы, введённой в реальность, и то, как истолковывается, скажем, зима Рябовым, отражается в зеркалах вечности оригинальностью эпитетов и уплотнённой поэтической строя речи:

В Семенове с сосулек капало,
А ночью снова холодало:
Зима своей мохнатой лапой
Из леса стужу нагоняла.
С утра затапливались печки,
Дымки над трубами торчали,
И чудилось, что бесконечна
Зима с морозными ночами.

Здесь домашнее, привычное сочетается с неожиданностью «мохнатой лапы», врезающейся в сознание и вызывающей ассоциации и с курчавым инеем, и с уبلённым лесным простором, чарами зимы превращённым в чудо.

...кот, становящийся персонажем стихотворения, словно войдёт к вам в душу, и как роскошно увидено небо! колокол, звучащий в бездне, касается мира ощущений и – вектора воображения:

Но вот на мартовское солнышко
Выходит греться кот – он жмурится,
И бирюзой небесный колокол
Накрыл и двор, и нашу улицу.

Поэт словно запускает свои часы, изобретает собственное время, не довольствуясь лентами проносащегося, общего.

Плазма жизни густо пропитывает субстанцию поэзии поэта, и любые проявления её даны сочно:

Дарил цветы и на свиданья
Я приглашал прекрасных дам.
Там были ручек целованья,
Горели щеки со стыда
При неприличных комплиментах,
Там были вздохи и мечты,
И были тонкие моменты,
И ощущение пустоты.

В букет собираются: очарование, разочарование, шаровая естественность будничности, и – ощущение праздника...

Праздничное видеть в каждом моменте – это ли не великий дар, и О. Рябов щедро делится им: даже сквозь вспышки пустоты, что логична в человеческом космосе; но и они важны, и их можно превратить в поэтическое действие...

Вывод, к которому подводит поэт, свидетельствует о векторе жизненного поведения, определяющем человеческую реальность:

Они прошли, все дамы, мимо,
И потому я, верно, жив,
Что называл своей любимой
Свою жену, а не чужих.

Что ж, верность даёт силу, в том числе – побеждать обстоятельства. Весомость верности значительна, ибо люди проживают как бы одну жизнь, бесконечно обогащая друг друга...

Образ матери, проступающий сквозь контуры болезни, сильно выветлен поэтическим словом: отчаяние одиночества вибрирует в стихах: и те, кто прошёл через уход мамы, мамочки... сожмутся внутренне, ответствуя горем – горю, состраданием на плач «Болезни»

Мамочка, согрей меня –
Я опять болею!
Тополь, листьями гремя,
За окном белеет.

Я укрылся под тремя,
 Но не помогает.
 Мамочка, согрей меня,
 Мамочка, родная.

<...>

Мамочка, прошу – согрей,
 Пусть не в этом мире!
 ...Ночь жирует во дворе,
 Ночь в пустой квартире.

Увы, мир часто даёт ощущение сплошной, тотальной, затягивающей в себя ночи, и, обращаясь к мамочке, взрослый, становящийся ребёнком, стремится преодолеть её...

Сквозная интонация стихотворения проходит по сердцу острым, как биссектриса, ощущением бытия...

Расцветает метафизическим цветком обращение к Богородице, и стихотворение «Казанская» отливает и высокой печалью, и... не менее высоким правом поэта обратиться именно так:

Что ты так печальна, Богородица?
 Складочки на тонкой переносице,
 А в глазах – не радость, а мучение.
 Знала Ты Его предназначение!

Знала Ты, что сбудутся пророчества:
 Крестный путь в безмолвном одиночестве,
 Горечь славы и непонимания,
 Через страсти – вечное признание.

Вечное признание опускается прозрачным пологом на мир... сколь меняя его?

Остаётся прежним.

Стихи, однако, увеличивают меру гармонии в оном и добавляют красоты в дисгармоничность обыденных ритмов...

...Богородица, вечная защитница угнетённых, вечная печальница – слышишь ли ты одинокое сердце поэта, взывающее к тебе?

Кажется, зная путь сына, слышит...

Печаль Богородицы – от высот: постижимых ли?

Но печаль эта – светлого порядка, и той силы, которая поможет другим избежать кривых шагов и ложных мыслей:

Будут храмы возводиться Твоим именем,
 В них – гореть лампы негасимые.
 Но печаль в глазах твоих проносится,
 И грустишь Ты, Мама – Богородица.

Порой в стихах поэта проступает полюс безнадёжности: так покажется:

Так остался неразгаданным
 Грустный нашей жизни ребус,
 Будь что будет: рай ли, ад ли – нам
 Всё равно конец нелепый.

Хотя, взглядываясь в рисунок строк, вчитываясь в них, понимаешь, что «Будь что будет...» – по отношению к своей жизни есть вариант высокого стоицизма, ничего общего не имеющего, с – а! махну рукой на всё...

Криком, вздымающимся ввысь, взлетает скорбное стихотворение:

Родины любовь
 Легка и ненадёжна.
 Родины любовь –
 Всегда по бездорожью.
 Вся из ям она,
 Или конь ослеп?
 Ну хотя б луна –
 Хоть какой-то свет.
 А пойдёшь пешком –
 Так фонарь разбит
 Да от мужиков
 Всех вином разит.

И правота этого крика остро вонзается в сознание: всё так, и увиденное поэтом дано шероховатой, наждачной правдой...

...Родины любовь – словно доски, которые придётся полировать собственными судьбами и жизнями, но... есть что есть.

Необходимость мириться с данностью диктует дискурс стоицизма, не раз демонстрируемый поэтом в суммах созвучий.

...возникает мультикультурность, и лёгкая песенка – из недр англо-саксонского мира разносится над пространством:

Налей нам кружки пополей –
 Мы не боимся суеверий
 И при такой большой волне
 С утра уходим в море, Мэри.

Налей нам пинту про запас,
 Чтоб захлебнулись в глотку двери.
 Ведь только мы, никто за нас
 Не выпьет в этом мире, Мэри.

Тут уж вспыхивает лихость отчаяния, и волшебные огни её переливаются многими оттенками мировосприятия.

Резкие зигзаги скал союзны с фиолетовыми тонами предчувствия, мускульная сила строк подтверждает оное:

Сталистость Финского залива –
 Предчувствие предгрозовое.

Но даль, свидетельствующая о величии пространства, остаётся спокойной, как спокоен поэт, творящий своё полотно:

В преддверье скорого ненастья:
 Тумана, снега или льда,
 Как пульс у спящего в запястье,
 Спокойна над заливом даль.

Даль и определяет строй поэзии Рябова: великолепная, вечно манящая, таинственная.

...различные техники словесной живопись использует Рябов: густо ложатся масляные мазки, плавно возникают акварельные разводы.

А вот – резкая чёткость гравюры входит в действительность:

Наутро снегом контур веток
Был выверен, как первый оттиск
Гравюры.

Ювелирна точность словесной работы.

Картины детства возникают: послевоенное, усложняется оно – и предстоящим ощущением вины, и... метафизической тайной, которую не разгадать:

Когда ещё играл я в прятки
И стыла в жилах боль войны,
Не знали мы такой вины:
Что не вернулись в сорок пятом
Отцы и братья-пацаны,
А матери вокруг – солдатки.

Будущее проступает разными контурами, но будущее для поэзии менее интересно, нежели вечность...

Поэт постепенно созидает свой манускрипт, и, существуя в реальности, он подразумевает грядущее прочтение: именно вечностью...